

Френсис Фицджеральд

Семья на ветру

Часть сборника
Кошмарный парнишка (сборник)

Френсис Фицджеральд

Семья на ветру

«ЭКСМО»

Фицджеральд Ф. С.

Семья на ветру / Ф. С. Фицджеральд — «Эксмо»,

ISBN 978-5-457-13961-9

«Двое мужчин ехали вверх по кособокому навстречу кроваво-красному солнцу. С одной стороны тянулся редкий жухлый хлопчатник, с другой – неподвижно млели в знойном воздухе сосны. – Когда я трезв, – говорил доктор, – то есть когда я абсолютно трезв, я вижу мир совсем не таким, каким видите вы. Я похож в этом на моего знакомого, близорукого на один глаз. Он купил себе специальные очки, надел, и солнце вдруг вытянулось, край тротуара перекосясь, он даже чуть не упал. Тогда он взял и выбросил эти очки. И тут же начал видеть нормально. Так и я почти весь день пребываю под градусом и берусь только за то, что могу делать именно в таком состоянии...»

ISBN 978-5-457-13961-9

© Фицджеральд Ф. С.

© Эксмо

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Семья на ветру

I

Двое мужчин ехали вверх по кособокому наветру кроваво-красному солнцу. С одной стороны тянулся редкий жухлый хлопчатник, с другой – неподвижно млели в знойном воздухе сосны.

– Когда я трезв, – говорил доктор, – то есть когда я абсолютно трезв, я вижу мир совсем не таким, каким видите вы. Я похож в этом на моего знакомого, близорукого на один глаз. Он купил себе специальные очки, надел, и солнце вдруг вытянулось, край тротуара перекосясь, он даже чуть не упал. Тогда он взял и выбросил эти очки. И тут же начал видеть нормально. Так и я почти весь день пребываю под градусом и берусь только за то, что могу делать именно в таком состоянии.

– Угу, – буркнул его брат Джин.

Доктор и сейчас был в легком подпитии, и Джин никак не мог улучшить момент и сказать то, что не давало ему покоя. Как для многих южан низшего сословия, соблюдение приличий было для него неписаным законом, что, впрочем, характерно для мест, где кипят страсти и легко проливается кровь; и он мог заговорить о другом только после хотя бы коротенького молчания, а доктор ни на секунду не умолкал.

– Я то очень счастлив, – продолжал доктор, – то в полном отчаянии; то смеюсь, то плачу пьяными слезами; я замедляю ход, а жизнь вокруг мчится все быстрее, и чем беднее становится мое «я», тем разнообразнее проносящиеся мимо картины. Я утратил уважение сограждан, что компенсировалось гипертрофией чувств. А поскольку мое участие, мое сострадание больше не имеет объекта, я жалею первое, что попадется на глаза. И я стал очень хорошим человеком, гораздо лучше, чем когда был хорошим врачом.

Дорога после очередного поворота спрямилась, и Джин увидел невдалеке свой дом, вспомнил лицо жены, как она умоляла его; понял, что тянуть дольше нельзя, и прервал брата:

– Форрест, у меня к тебе дело...

В этот миг машина, миновав сосновую рощу, затормозила и остановилась у маленького домика. Девочка лет восьми играла на крыльце с серым котенком.

– Более прелестного ребенка, чем эта девчушка, я в жизни не видел, – сказал доктор и, обращаясь к девочке, заботливо прибавил: – Элен, твоей киске нужно прописать пилули?

Девочка засмеялась.

– Не знаю, – сказала она неуверенно. Она играла с котенком в другую игру, и доктор ей помешал.

– Твоя киска звонила мне утром, сказала, что ее мама совсем о ней не заботится, и просила прислать из Монтгомери хорошую няню.

– Она не звонила, – возмутилась девочка, схватила котенка и крепко прижала к себе; доктор вынул из кармана пятак и бросил на крыльцо.

– Прописываю твоей киске хорошую порцию молока, – сказал он и нажал на газ. – До свидания, Элен.

– До свидания, доктор.

Машина покатила, и Джин еще раз попытался завладеть вниманием доктора.

– Послушай, – сказал он, – остановись здесь на минуту.

Машина остановилась, братья посмотрели друг на друга.

Обоим за сорок, коренастые, крепкие, с худыми, даже аскетическими лицами – в этом они были схожи; несхожесть заключалась в другом: у доктора сквозь очки глядели опухшие в красных жилках глаза пьяницы, лицо испещряли тонкие городские морщинки. У Джина лицо было прорезано ровными глубокими морщинами, похожими на межи, шесты, подпирающие навес, кровельную балку. Глаза у него были синие, насыщенные. Но больше всего их отличало то, что Джин Джанни был фермер, а доктор Форрест Джанни, без всякого сомнения, человек образованный, городской.

– Ну? – сказал доктор.

– Ты ведь знаешь, Пинки вернулся, – сказал Джин, глядя на дорогу.

– Да, я слышал, – ответил доктор сдержанно.

– Он в Бирмингеме ввязался в драку, и ему прострелили голову. – Джин замялся. – Мы позвали доктора Берера, потому что думали, вдруг ты не станешь...

– Не стану, – вежливо согласился доктор.

– Но, Форрест, – гнул свое Джин. – Ты ведь сам всегда говорил, что доктор Берер ничего не смыслит в медицине. И я так считаю. Он сказал, пуля давит на... на мозги, а он не может ее извлечь, боится, не остановит кровь. И еще сказал, вряд ли мы довезем его до Бирмингема или Монтгомери, так он плох. Мы просим тебя...

– Нет, – доктор покачал головой, – нет.

– Ты только взгляни на него и скажи, что делать, – умолял Джин. – Он без сознания, Форрест. Не узнает тебя. И ты его не узнаешь. Его мать совсем помешалась от горя.

– Его мать во власти животного инстинкта. – Доктор вынул из бокового кармана флажку с виски пополам с водой и отхлебнул. – Мы оба с тобой хорошо знаем: его следовало утопить в тот самый день, когда он родился.

Джина передернуло.

– Да, человек он скверный, – через силу выдавил он. – Но если бы ты видел, какой он там лежит...

Виски горячо разливалось по телу, и доктора вдруг потянуло действовать, не преодолеть самого себя, а так, сделать жест, гальванизировать дряхлеющую волю.

– Ладно, – сказал он. – Я посмотрю его, но спасти не буду. Такие, как он, недостойны жить. Но даже смерть его не может искупить то, что он сделал с Мэри Деккер.

Джин сжал губы.

– Форрест, а ты в этом уверен?

– Уверен?! – воскликнул доктор. – Конечно, уверен. Она умерла голодной смертью. Дай бог, если она за неделю выпила несколько чашек кофе. Видел бы ты ее туфли: прошла пешком столько миль.

– Доктор Берер говорит...

– Что он может знать? Я делал вскрытие, когда ее нашли на Бирмингемском шоссе. Она была крайне истощена, и больше ничего. Этот... этот... – голос его задрожал и прервался от волнения, – этот ваш Пинки потешился и выгнал ее, и она побрела домой. Я очень рад, что его самого привезли домой полумертвого.

Говоря это, доктор с остервенением нажал на газ, машина рванулась и через минуту уже тормозила у дома Джина.

Это был крепкий дощатый дом на кирпичном фундаменте с ухоженным зеленым газоном, отгороженным от двора, лучше других домов Бендинга и окрестных селений; но быт его хозяев мало чем отличался от быта соседей. Последние дома плантаторов в этой части Алабамы давно исчезли, их горделивые колонны не устояли перед бедностью, дождями, тлением.

Роза, жена Джина, ждавшая их на веранде, встала с качалки.

– Здравствуй, Форрест, – сказала она, нервничая и пряча глаза. – Давно ты у нас не был.

– Здравствуй, Роза, – ответил доктор, поймав на миг ее взгляд. – Привет, Эдит. Привет, Юджин, – обращаясь к малышам, стоявшим позади матери. – Привет, Бэч, – девятнадцатилетнему парню, появившемуся из-за угла дома: он тащил в обнимку большой белый камень.

– Хотим обнести палисадник каменной стенкой. Вид будет поаккуратнее, – объяснил Джин.

Все они еще испытывали почтение к доктору. Они порицали его за глаза, потому что не могли больше хвастаться своим знаменитым родичем: «Да, сэр, один из лучших хирургов в Монтгомери». Но при нем остались ученость и слава первоклассного хирурга, каким он был, покуда не совершил профессионального самоубийства, разочаровавшись в человечестве и пристрастившись к спиртному. Два года назад он вернулся в Бендинг, купил половину пая у владельца местной аптеки; лицензии врача его не лишили, но оперировал он только в случае крайней необходимости.

– Роза, – сказал Джин, – доктор обещал посмотреть Пинки.

Пинки Джанни лежал в затемненной комнате, обросший, с побелевшими искривленными губами. Доктор снял с головы повязку, Пинки задышал со стоном, но его вздутое, безжизненное тело не шевельнулось. Доктор осмотрел рану, опять наложил повязку и вместе с Джином и Розой вернулся на веранду.

– Берер не взялся оперировать?

– Нет.

– Почему не сделали операцию в Бирмингеме?

– Не знаю.

– Гм... – Доктор надел шляпу. – Пулю необходимо извлечь, и как можно скорее. Она давит на сонную артерию. Это... во всяком случае, с таким пульсом везти никуда нельзя.

– Что же делать? – тяжело выдохнул Джин, и несколько секунд все молчали.

– Попросите еще раз Берера. Может, передумает. Или привезите врача из Монтгомери. Шансов мало – но операция может спасти его. Без операции – конец.

– К кому обратиться в Монтгомери?

– Эту операцию может сделать любой хороший хирург. Даже Берер, если бы он не был таким трусом.

Роза Джанни вдруг вплотную подошла к нему, глаза ее горели звериной материнской страстью. Она схватила доктора за лацкан пиджака.

– Ты сделаешь операцию. Ты можешь. Ты был такой хороший хирург. Лучше всех. Прошу тебя, Форрест!

Доктор отступил назад, стряхнув ее руки, а свои вытянул перед собой.

– Видишь, как дрожат? – спросил он, не скрывая иронии. – Смотри хорошенько. Я не рискну оперировать.

– А ты рискни, – поспешил вставить Джин. – Отхлебнешь глоток, и перестанут дрожать.

Доктор покачал головой, глядя на Розу.

– Нет. Мне как врачу не доверяют. Что будет не так, обвинят меня. – Доктор немного рисовался и тщательно выбирал слова. – Мое заключение, что Мэри Деккер умерла с голоду – я слышал, – подвергают сомнению. Его ведь дал человек, который пьет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.